

Екатерина Конопенко / Фото со страницы Екатерины во ВКонтакте

11.09.2019, 17:03 Челябинская область

свой опыт

Увольнение и допрос в полиции за фото 10-20- летней давности: история из Магнитогорска

Екатерина Конопенко (Катя Ганеши) преподает кикбоксинг в Магнитогорске, публикует сборники стихов в России и Индии. В 2018 году произошел конфликт при объединении нескольких детских клубов, в одном из которых она работала, в центр «Максимум». Конопенко рассказала, как в ходе него ее уволили, а теперь проводят доследственную проверку из-за фотографий 10-20-летней давности.

КОНФЛИКТ, НАЧАВШИЙСЯ С ПТИЦ

Администрация «Максимума» сочла возможным уничтожить единственный в городе Центр помощи раненым птицам, который действовал на базе нашего клуба около 30 лет, помимо кикбоксинга. Педагогический смысл был такой: дети занимаются жестким видом боевых искусств, а чтобы параллельно развивать у них добросердечие и понимание ценности жизни, мы лечили и затем отпускали на волю выздоровевших птиц.

Птиц вывезли, мы даже не знали, где их искать. Двух мы нашли выброшенными на улицу у клуба. В ходе конфликта с новой дирекцией к нам постоянно вызывали то Росгвардию, то вневедомственную охрану, то участковых — все время какие-то люди в форме. В детский клуб приезжала Росгвардия с автоматами, понимаете? Правда, в клуб с автоматами они не стали заходить.

(Подробнее — в [видеоматериале](#), снятом сотрудниками «Черного Дракона». За ситуацией также следит магнитогорский портал «Верстов.инфо»: [1](#), [2](#), [3](#) — *ОВД-Инфо*).

Затем, «Черный дракон» лишился своего зала. Нам обещали, что 1 сентября 2018 года мы с детьми вернемся в свой зал после ремонта, потом перенесли дату на 15 ноября. Единственным залом в шаговой доступности для нас оказался хореографический класс. Мне урезали зарплату. Что такое сейчас 12–17 тысяч? Они надеялись, что я уйду, но я оказалась упрямой.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО СВЕРХУ

К концу мая 2019 года в нашем зале, наконец, доделали ремонт, но я понимала, что он планировался не для моих воспитанников. В мае уполномоченный по правам человека по Челябинской области Маргарита Павлова приехала в Магнитогорск. Я пошла к ней на личный прием

и написала заявление, что детей фактически вышвырнули из зала.

Местные власти не любят, когда в их дела вмешиваются сверху. Меня вместе с родителями пригласили на встречу с начальником городского управления образования. Там нам сказали, что 2 сентября мы возвращаемся в наш зал. Я выхожу 12 августа из отпуска, прихожу к директору, говорю: давайте я буду готовить зал к началу занятий, после ремонта. Мне говорят: нет, вы туда не пойдете, там еще ведутся работы.

Видимо, они долго думали, что со мной делать.

В результате, прокуратура **вынесла** представление центру дополнительного образования «Максимум» о том, что в сети размещены мои фотографии якобы порнографического содержания, и от учреждения требуется это устранить.

О каких фотографиях конкретно идет речь, мне не говорят. В ознакомлении с материалами проверки прокуратуры мне отказали в письменной форме. На моих страницах в соцсетях контента, о котором они предположительно говорят, нет.

ФОТОГРАФИИ 2000 И 2010 ГОДОВ

Полагаю, обвиняя меня в порнографии, они имеют в виду городской культурный проект. В 2000-м году я участвовала как поэтесса и одна из моделей в арт-проекте **«Эксперимент»**. Есть передачи, которые о нем снимали местные телекомпании, есть публикации в газетах.

Были изданы фотоальбомы (один в 2000, другой — в 2010 годах) в Магнитогорском доме печати, самом крупном издательстве в городе. Об «Эксперименте» были

публикации в центральных СМИ, НТВ снимало нас. Все это было 20 лет назад.

В 2010 году был издан сборник моих стихов, и там тоже есть **фотографии**, но это эротика в чистом виде. Я в курсе, чем отличается эротика от порнографии.

ОТ УПОЛНОМОЧЕННОГО — В ПРОКУРАТУРУ И СК

Ситуация развивалась так. Уполномоченный по правам человека прислала директору «Максимум» запрос, на основании чего так прессингуют наш клуб. Директор отправила уполномоченному фотографии, выставив это в выгодном для себя свете. Уполномоченный по правам человека направила запрос в челябинскую областную прокуратуру и Следственный комитет. Областная прокуратура спустила это в Магнитогорск, в прокуратуру Правобережного района.

У меня есть дочка, пока еще несовершеннолетняя, ей семнадцать с половиной лет. Мне позвонил сотрудник инспекции МВД по делам несовершеннолетних и говорит: мне нужно вручить вам повестку, есть заявление по поводу вас. Он сказал, что в полицию заявление передали из Следственного комитета, потому что именно полиция занимается делами о насилии в отношении несовершеннолетних (статья 156 УК).

Он показывал мне материалы, по которым проводится проверка. Там фотографии моей дочки, когда она была маленькой, лет шести — то есть они сделаны больше десяти лет назад. Одна работа из этого цикла была **опубликована** в «Независимой газете» как иллюстрация к статье. Там у ребенка в руках травматический револьвер, и это оценивается как жестокое обращение — девочке в руки дали оружие. В документах, которые показывал инспектор, была фотография, где моя дочь

с серьезненьким личиком держит сувенирный макет меча — который ничего не режет, — подносит к своему животику, и в фотошопе пририсована кровь.

3 сентября я с дочерью ходила на беседу в полицию. Полицейский мне говорит: рассказывайте, какой был умысел по поводу ребенка, кто был автором. При этом он сам ранее говорил, что получил характеристику на мою дочь в школе, что она почти идеальный ребенок. Полицейский говорил, что понимает, что никакого влияния эти фотографии на ребенка не оказали.

И я, и дочь взяли 51-ю статью Конституции (дающей право не свидетельствовать против себя и близких — *ОВД-Инфо*) — нам так юрист посоветовала.

Полицейский вежливо убеждал меня: уголовного дела нет, все хорошо, только проводится доследственная проверка. Этим фотографиям больше десяти лет, срок давности для уголовного преследования уже вышел. Но, как я понимаю, возбудить уголовное дело можно все равно, и запретить мне заниматься педагогической деятельностью.

4 сентября полиция опрашивала наших соседей по лестничной клетке, 5 сентября меня уволили за «аморальный проступок» — из-за представления прокуратуры.

Мне до сих пор не известно, о каком «аморальном проступке» идет речь и не понятно, почему от меня скрывают материалы прокурорской проверки, почему мне не обеспечили возможность дать пояснения.

Подобная формулировка — увольнение за «аморальный проступок» — практически лишает меня возможности найти работу по педагогическому профилю. Как «волчий билет». То есть меня оставили без возможности зарабатывать на содержание себя и своего ребёнка.

Ещё почитать

25.02.2026 Челябинская область

Фольклористу из Ханты-Мансийска заменили реальный срок по делу о донатах ФБК на условный